

УДК 81+821.161.1 (092) Трифонов Ю. В.
DOI 10.17223/18137083/54/23

А. Г. Василенко

Новосибирский государственный педагогический университет

**Графически выделенное слово:
эволюция художественного приема
(на материале творчества Ю. В. Трифонова)**

Статья посвящена эволюции использования Ю. В. Трифоновым графически выделенного слова от ранних к поздним произведениям. Показаны эксперименты автора как с количественными (способ выделения, количество, объем), так и с качественными характеристиками (функциональная нагрузка графически выделенного фрагмента). От единичного употребления выделенного слова Ю. В. Трифонов идет к созданию своего художественного приема, ставшего характерной чертой идиостиля писателя. Он экспериментирует со способами графического выделения слова в тексте, используя в своих произведениях не только выделение с помощью разрядки, но и закавычивание слова, его прописное начертание, выделение курсивом, полужирным шрифтом. Растет доля слов, выделенных разрядкой, увеличивается объем текстового фрагмента. Кроме того, можно говорить о «смешении» приема (использовании в одном тексте нескольких способов графического выделения).

Ключевые слова: графически выделенный фрагмент, идиостиль, эволюция художественного приема, способы графического выделения, Ю. В. Трифонов.

Идиостиль писателя представляет собой особую семиотическую систему, в которой функционируют знаковые образования языкового и неязыкового характера. Характерной чертой идиостиля Ю. В. Трифонова является использование разрядки как способа графического выделения. Графически выделенное слово (далее – ГВС) становится визитной карточкой писателя, оно характеризуется определенными функциями [Трипольская, 2008; Девяткина, 2011] и вступает в разнообразные отношения с другими текстовыми структурами [Девяткина, 2011].

Начиная с ранних произведений, Ю. В. Трифонов использует прием выдвигания и на протяжении всего творческого пути экспериментирует с разными средствами актуализации данного приема. Мы можем говорить об эксперименте, связанном как со способом графического выделения и количеством выделяемых

Василенко Анастасия Геннадьевна – аспирант кафедры современного русского языка Новосибирского государственного педагогического университета (ул. Вилюйская 28, Новосибирск, 630126, Россия; devyatkina.anastasiya@yandex.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2016. № 1
© А. Г. Василенко, 2016

единиц (частотность, объем графически выделенного фрагмента (далее – ГВФ)), так и с их семантико-прагматической нагрузкой в тексте.

Классифицируя средства графического выделения, первоначально стоит выделить шрифтовые, композиционные, комбинированные, а также средства с использованием дополнительных элементов. Наиболее часто в качестве средств шрифтового выделения используются наклонные, курсивные, полужирные и жирные начертания. В текстах Ю. В. Трифонова, кроме разрядки, ставшей сквозным способом выделения слова или словосочетания и встречающейся во многих его произведениях, использует:

- закавычивание слова (роман «Утоление жажды», 1959–1962; и пр.);
- набор прописными в массиве строчного («Новая эстетика футбола», сентябрь 1962 г.; «О футболе» (субъективные заметки), май 1968 г.; и пр.);
- «лесенка» («Полчаса, которые потрясли стадион», август 1957 г.);
- курсив («Студенты», 1950; «Утоление жажды»; «Нетерпение», 1973; «Старик», 1978; и пр.).

Проиллюстрируем выявленные средства графического выделения, обратившись к следующему контексту из романа «Утоление жажды», в котором Ю. В. Трифонов использует кавычки как способ выдвигания:

Механизаторы на стройке делились на «китов» и «тюльку». «Китами» считались самые опытные, короли заработка, а «тюлькой» – все прочие работяги [Трифонов, 1985, с. 420].

Кавычки – полифункциональный знак, который Б. С. Шварцкопф [1967; 1970; 1997], а вслед за ним и А. А. Зализняк [2007] в своих классификациях рассматривают как реализующий более десяти функций (употребление слова в неконвенциональном значении, снятие ответственности, кавычки как показатель своего смысла, показатель «чужого слова» и пр.). Более того, как отмечает А. А. Зализняк, функции кавычек и разрядки могут совпадать: «Пишущий хочет выделить данное слово или выражение (по разным причинам), сделать так, чтобы внимание читающего на нем задержалось. В этой функции используются также: в рукописном тексте – подчеркивание, в печатном – курсив, полужирный, разрядка или написание прописными буквами (т. е. любое средство выделения)» [Там же].

Б. А. Успенский, сосредоточивая свое внимание на художественном тексте в целом, отмечает другую особенность функционирования кавычек: «Кавычки представляют собой графические знаки метафоричности: они сигнализируют нам, что соответствующее слово (слово, взятое в кавычки) не должно пониматься буквально. <...> ...Кавычки служат для выделения гетерогенного текста (по отношению к данному). В частном случае это может быть чужая речь (речь, принадлежащая другому говорящему), или чужое значение (что и происходит в случае метафоры), или вообще значение, относящееся к метаязыку, противопоставляемому языку-объекту» [Успенский, 2012, с. 181–185].

Обратившись еще раз к текстовому фрагменту, приведенному выше, отметим, что функция маркирования чужого слова, выделения «гетерогенного текста», оказывается первостепенной в приведенном примере: закавыченные слова принадлежат жаргону рабочих. Таким образом, мы можем говорить о том, что кавычки выполняют функцию разграничения «своего»/«чужого» слова, отделяя тех, кто данной языковой подсистемой владеет, от тех, кому непонятны значения этих слов. Именно поэтому автор дает толкования значений, приобщая читателя к реалиям данного социума.

Отметим, что функции закавыченного слова в большинстве случаев тождественны функциям слова, выделенного разрядкой в более поздних произведениях писателя. Следовательно, речь идет о поиске подходящего способа графического выделения, а не о смене функциональных характеристик выделенного слова или целого фрагмента.

Важным для нас оказывается и то, что в некоторых текстах совмещен способ выделения – и разрядка, и закавыченное слово.

– Кроме того, мои мысли, – сказал Ернберг, – были прикованы к тому моменту, которого боятся все лыжники: к преодолению мертвой точки.

<...> «Мертвая точка» существует в каждом деле. <...> Меня почему-то восхищают не юноши, а ветераны, победители «мертвой точки», даже тогда, когда они не завоевывают золотых медалей [Трифонов, 1989, с. 443–444].

В первом случае словосочетание «мертвая точка», выделенное разрядкой, является в персонажной речи – в прямой речи Ернберга. В этом примере разрядка выполняет функцию смысловой актуализации, где выражение «мертвая точка» концентрирует в себе стрессы, ожидания, напряжение спортсмена в момент ее преодоления. Кроме того, мы можем предполагать и акцентную актуализацию – постановку логического ударения именно на эту, уже стоящую в сильной позиции (конец предложения) часть высказывания. Напротив, закавычивание данного словосочетания дает повод рассматривать его как метаязыковое явление. В этом случае кавычки могут являться показателем двойной референции, когда под «мертвой точкой» мы в первую очередь понимаем состояние острого снижения работоспособности спортсмена при интенсивной физической нагрузке (бег, ходьба на лыжах, езда на велосипеде, гребля и т. д.), возникающее через непродолжительное время после ее начала и исчезающее при дальнейшей работе. Кроме того, кавычки маркируют «чужое слово», возвращая к первому случаю употребления слова в прямой речи спортсмена. В этом случае можно говорить о функциональном разграничении при выборе способа графического выделения. В то же время мы должны учитывать весь интерпретационный потенциал, так как использование разных способов выделения может быть обусловлено как сменой повествовательных регистров, так и экспериментом автора в выборе наиболее подходящего способа выдвижения.

Мы можем предположить, почему автор отказался от использования данного средства – кавычек – в своем дальнейшем творчестве. Кавычки являются семантически перегруженным знаком. Было бы нецелесообразно использовать столь многофункциональный знак для сквозного приема, который должен был актуализировать внимание читателя на разных сторонах языкового знака. Следовательно, мы можем говорить о закавыченном слове как об определенном этапе в творческих поисках Ю.В. Трифонова в области формы.

Обратимся к следующей группе произведений: заметкам «Новая эстетика футбола» и «О футболе». Автор также использует приемы выдвижения, но средство, с помощью которого он это делает, не разрядка, не кавычки, а набор прописными в массиве строчного. Обратимся к примеру:

Наша наспех скроенная, молодая команда совершенно истерзала итальянцев и по праву должна была победить. Жребий решил иначе, но футбольный мир видел, в ЧБИ ВОРОТА шла игра. Итальянцы едва ноги унесли от поражения [Там же, с. 317].

Можно предположить, что в данной ситуации использование в качестве способа выделения набора прописными буквами обусловлено жанровой принадлежностью произведений. И «Новая эстетика футбола», и «О футболе» – публицистические заметки, которые объединены общей тематикой. Возможно, это был определенный эксперимент в области формы на материале публицистических текстов. Выделение набором прописных в массиве строчного – достаточно частотное явление именно в публицистических текстах, с этим же может быть связан

и отказ от данного способа выдвижения: частотность данного приема на газетной полосе. Выделение слова или целого фрагмента прописными буквами – это способ графического выделения, «примелькавшийся» читателю, который не концентрировал бы внимание адресата и, соответственно, не выполнял бы в полном объеме всех тех функций, что заложены в слове, выделенном разрядкой в произведениях Ю. В. Трифонова. Кроме того, в современной письменной коммуникации достаточно часто выделение при помощи набора прописных воспринимается как резкое повышение тона. Предположив возможность аналогичного прочтения графического приема у Ю. В. Трифонова, мы не обнаружим логической нестыковки: это публицистические произведения, заметки о футболе, а одной из особенностей комментирования футбольного матча является сопереживание, эмоциональная включенность комментатора в матч, где в «опасные» моменты его голос может повышаться до крика.

Еще один из способов графического выделения, использованных писателем в своих произведениях, – создание «лесенки».

И вдруг мы видим – это как в замедленной киносъемке:

Болотников

начинает

медленно

отрываться

от Лауренса

и уходит от него все дальше, а Лауренс как будто остановился, бежит на месте. Тандем разламывается перед самым финишем [Трифонов, 1989, с. 228].

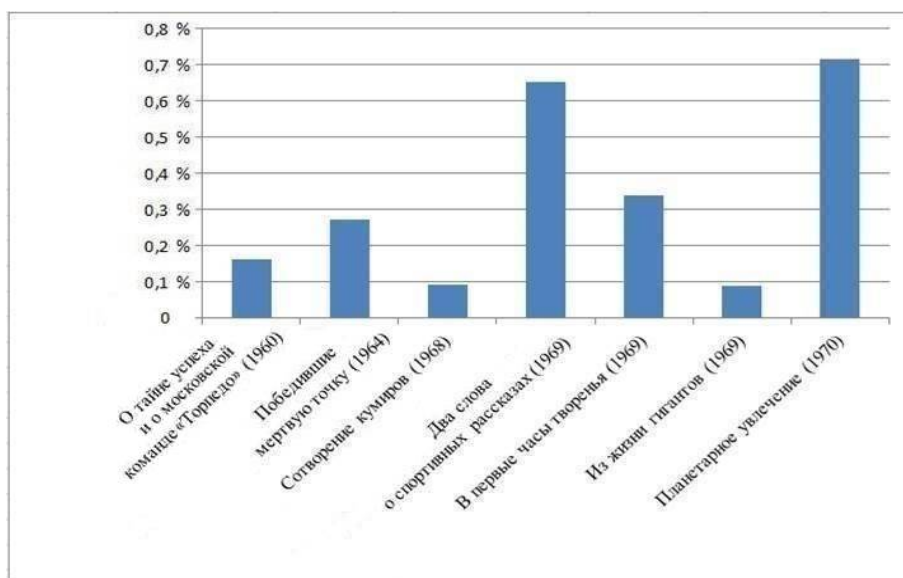
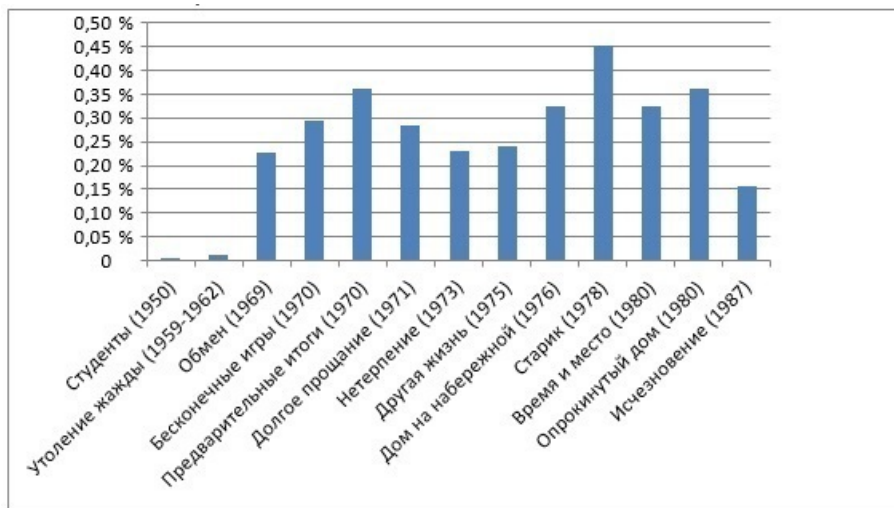
Графическая разбивка текста на несколько строк (с дополнительной табуляцией), появляющаяся в тексте «Полчаса, которые потрясли стадион», помогает подчеркнуть автору напряженность, возникшую в ходе соревнования между двумя спортсменами, когда уже на подходе к финишу один из участников медленно начинает отрываться, выходя вперед. Стоит отметить тот факт, что лесенка появляется только в данном произведении и служит определенной художественной задаче: способствует процессу визуализации, акцентирует «смысловый узел», выполняет функцию драматизации (о функции драматизации см. [Борисова, 2003]). Конечно, нельзя говорить о тождественности функций «лесенки» в данном публицистическом тексте Ю. В. Трифонова и функций, например, «лесенки» в поэтических текстах В. В. Маяковского (о «лесенке» в творчестве Маяковского см.: [Гаспаров, 1981; Джилкибаев, 1970] и др.; в творчестве Н. А. Некрасова: [Борисова, 2003] и др.).

Отметим еще одну особенность, проявившуюся в этом тексте. Помимо использования лесенки для визуализации все увеличивающегося разрыва между спортсменами, когда слова с каждым «шагом» отрываются друг от друга, Ю. В. Трифонов задействует также мнемонику и воображение читателя, отсылая к кинематографии, к замедленной киносъемке (*это как в замедленной киносъемке*). Читатель восстанавливает в памяти данный прием, покадровое, посекундное представление того, как медленно спортсмен вырывается вперед.

Развитие приема шло не только по пути изменения способа выделения: изменялось количество выделенных слов на единицу текста (от ранних к поздним произведениям автора) и объем выделенного фрагмента.

Были составлены гистограммы, отражающие долю ГВС в тексте и информацию о том, как изменялось их количество от ранних к поздним произведениям Ю. В. Трифонова. Критерием для разделения текстов на подгруппы стала их жанровая принадлежность: в первой гистограмме представлены романы и повести

писателя, во второй – произведения небольшого объема, объединенные около-футбольной тематикой.

Обратимся к первому графику. Как мы видим, идет резкое увеличение количества выделенных слов на единицу текста. Если в первом романе («Студенты») разрядкой выделено одно слово, то уже в «Утолении жажды» – 12. Начиная с повести «Обмен» мы можем говорить об устойчивом появлении слов, данных в разрядку, в художественных текстах Ю. В. Трифонова. Некоторые колебания могут быть обусловлены авторскими установками. Так, в романе «Старик» в 50 случаях употребление разрядки формально: она выполняет функцию «натурализации текста» (термин А. А. Реформатского), сохраняет графические признаки протокола допроса (выделение фамилии, должности в стенограмме).

Иначе ситуация представлена на втором графике: если крайние столбцы вступают в резкий контраст («О тайне успеха и о московской команде «Торпедо»» – 0,16168 %, «Планетарное увлечение» – 0,71405 %), то «внутри» диаграммы мож-

но выделить резкие точки как взлета, так и падения доли ГВС в тексте. Особенностью, обуславливающей колебания, может являться более узкая жанровая спецификация произведений. Несмотря на то, что все эти произведения посвящены спорту, каждое имеет свои жанровые особенности. Так, «Из жизни гигантов» – рецензия на кинокартину «Трудные старты в Мехико» (1969), статья «Сотворение кумиров» носит подзаголовок «Записки гренобльского туриста» и т. д.

Репрезентативным представляется сопоставление двух гистограмм. Во-первых, мы можем говорить о более последовательном использовании разрядки в прозаических текстах, где нет столь резких перепадов от произведения к произведению в доле ГВС на единицу текста. Во-вторых, интересным предстает тот факт, что как наибольший процент ГВС («Планетарное увлечение» – 0,71405 %), так и большее среднее число употреблений представлены именно среди публицистических произведений писателя.

Резюмируя изложенное, мы можем отметить две важные тенденции: увеличение доли ГВС в текстах писателя от ранних к поздним произведениям и «стабильность» в использовании приема в романах и повестях (в сравнении с произведениями публицистического характера).

Кроме того, мы сталкиваемся с такой особенностью, как увеличение объема выделенного фрагмента. Если в романе «Утоление жажды» разрядкой выделено 12 слов и объем ГВФ составляет 1-2 слова, то в романе «Время и место» в 134 ГВФ входит 288 ГВС и объем ГВФ составляет от 1 до 14 слов. В ранних произведениях Ю. В. Трифонов выделяет или слово, или словосочетание, тогда как в позднем творчестве могут быть выделены несколько предложений подряд. Ср. в романе «Время и место»:

И взгляд значительный, загадочный, тайный укор. Опять томило предчувствие: знает. Но ведь все прошло и пора забыть [Трифонов, 2000, с. 548].

Подведем итоги. От единичного употребления выделенного слова Ю. В. Трифонов идет к созданию своего художественного приема, ставшего характерной чертой идиостиля писателя. Растет доля слов, выделенных разрядкой, увеличивается объем выделенного текстового фрагмента.

Выполняющее функцию выдвигания, привлекающее внимание читателя слово, выделенное разрядкой, становится точкой концентрации смысла.

Выделенное слово в лексической системе текста деавтоматизирует восприятие, заставляя задуматься над той смысловой нагрузкой, которую вложил в него автор. ГВС дает возможность считывать не только фактическую информацию, но и концептуальную, позволяя проникнуть в авторский замысел, увидеть подтекст произведения.

Таким образом, мы видим, что писатель экспериментировал со способами графического выделения слова в тексте, используя в своих произведениях не только выделение с помощью разрядки, но и закавычивание слова и его прописное начертание. Кроме того, можно говорить о «смещении» приема (использование в одном тексте и кавычек, и разрядки). Идет авторский поиск оптимального способа актуализации языковой единицы в парадигме текста, поиск в области формы и содержания повествования.

Список литературы

Борисова И. М. Графический облик поэзии: «лесенка», курсив, графический эквивалент текста: На материале поэзии Н. А. Некрасова, его предшественников и современников: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2003.

- Гаспаров М. Л.* Ритм и синтаксис: происхождение «лесенки» Маяковского // Проблемы структурной лингвистики. М., 1981. С. 148–168.
- Девяткина А. Г.* Полифункциональность выделенного слова в произведениях Ю. В. Трифонова // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: Материалы конф. молодых ученых / Под ред. А. А. Казакова. Вып. 12. Томск, 2011. Т. 1: Лингвистика. С. 96–99.
- Джилкибаев Б. М.* Лесенки Н. Асеева и ступенчатый рефрен В. Маяковского // Русское языкознание. Алма-Ата, 1970. Вып. 2. С. 366–372.
- Зализняк А. А.* Семантика кавычек // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Тр. междунар. конф. «Диалог – 2000» / Под ред. Л. Л. Йомдина, Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея. М.: Изд-во РГГУ, 2007. С. 188–193. URL: http://www.philology.ru/linguistics2/zaliznyak_anna-07.htm (дата обращения 12.08.2015).
- Трипольская Т. А.* Комментарий как элемент художественного текста: типы и функции // Комментарий и интерпретация текста. Новосибирск, 2008. С. 34–45.
- Трифонов Ю. В.* Бесконечные игры: Киноповесть, рассказы, очерки. М., 1989.
- Трифонов Ю. В.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. М., 1985.
- Успенский Б. А.* Ego Loquens: Язык и коммуникационное пространство. М.: РГГУ, 2012.
- Шварцкопф Б. С.* Внимание: кавычки! // Русская речь. 1967. № 4. С. 60–64.
- Шварцкопф Б. С.* О некоторых лингвистических проблемах, связанных с цитацией // Sign, Language, Culture. The Hague; Paris, 1970. P. 658–673.
- Шварцкопф Б. С.* «Я поставил кавычки потому, что...» // Облик слова: Сб. ст. памяти Д. Н. Шмелева. М., 1997. С. 374–381.

A. G. Vasilenko

**Graphically marked words: evolution of the artistic device
(based on the works by Yu. V. Trifonov)**

The paper describes the evolution of the employment of graphically marked out words by Yu. V. Trifonov in his works, both early and late ones. Yu. Trifonov experiments both with quantitative characteristics (way of marking, quantity, size) and qualitative ones (functional load of a graphically marked fragment). A singular use of a graphically marked word is followed by the creation of his artistic device, now known as a characteristic feature of the writer's idiosyncrasy. He experiments with different ways of graphical marking of words in his texts by the use of spacing, inverted commas, capital letters, italics, and bold type. There is an increase in the number of words with spacing and fragment size. Moreover, the devices can be «mixed», when there are several means of graphical marking used in one text.

Keywords: graphically marked fragment, idiosyncrasy, evolution of the stylistic device, ways of graphical marking, Yu. V. Trifonov.

DOI 10.17223/18137083/54/23